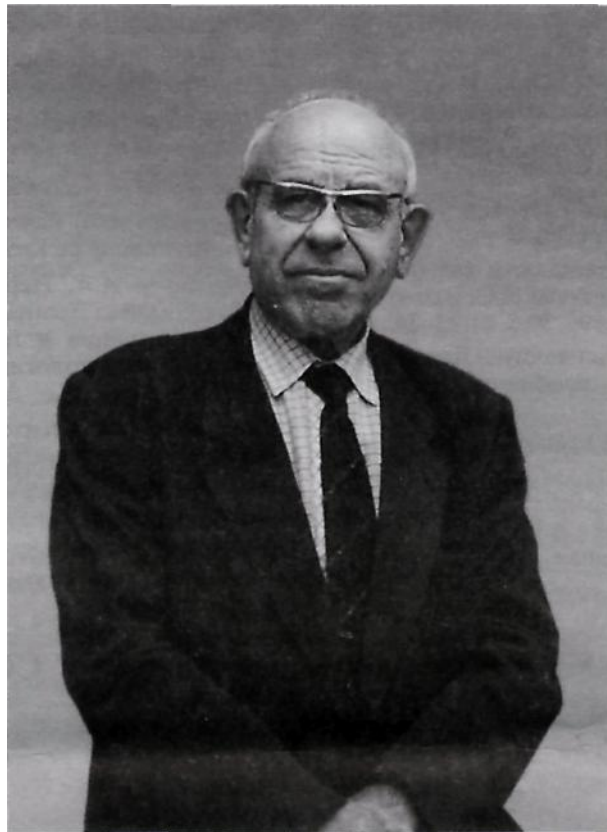

ВОСПОМИНАНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ БЕСЕДЫ

Е.А. Климов. 27 мая 2004 г.
Фото В. Артамонова

"СТРЕМИТЬСЯ НЕ К КАРЬЕРЕ, А СТАРАТЕЛЬНО СЛУЖИТЬ ДЕЛУ"

©2004г. Е.А. Климов

- Уважаемый Евгений Александрович, мы приветствуем вас на страницах "Психологического журнала".

Начнем с традиционных вопросов. Расскажите о своих корнях - где родились, кто родители, какие были интересы в детстве и юности, кем хотели стать, что предопределило ваш приход в психологию, у кого учились в психологии, кто оказал на вас наибольшее влияние в формировании профессии; встречи с какими коллегами вам особенно запомнились, кого вы считаете наиболее выдающимися психологами, какие события в психологической науке, по вашему мнению, наиболее значимы?

- Населенный пункт, в котором я родился, был в то время большим селом на берегу реки Вятки (Вятские Поляны бывшей Вятской губернии, Малмыжского уезда). Так что корни у меня сельские.

Дед мой по отцу был хорошим мастеровым, столяром. Отец тоже вначале столярничал. А после самостоятельно освоил ремонт народных музыкальных инструментов (гармошки русские и татарские, балалайки, гитары и подобное). Он сам одолел музыкальную грамоту, хотя всего-то образование - церковно-приходская школа. И был замечательным баянистом. А когда во время войны он пошел в армию, то вскоре был направлен во фронтową ансамбль в качестве баяниста.

Дошел до Берлина. Быть может, пример отца и зародил во мне будущий интерес к человеку-делателю, к психологии труда.

И еще одно обстоятельство, повлиявшее, вероятно, на меня в хорошем смысле. Будучи школьником (отец был на войне), я наткнулся на какие-то тетради. Оказывается, он вел наблюдения - дневниковые записи о том, при какой погоде, глубине реки какая клевала рыба и т.д. Дело в том, что отец увлекался рыбной ловлей на удочку и был очень удачливым рыбаком (без рыбы мы никогда не жили, можно сказать, кормились ею). К нему приходили и упрасивали его открыть "секрет" в рыболовной науке. А дело было в том, что он всего-навсего вел наблюдения и записи, на которые ориентировался. Производил новое и полезное для себя знание. Некая самодельная модель научно-практической работы...

Мать моя также из крестьянок. Окончила епархиальное училище (это что-то наподобие семилетки). В молодости учительствовала. Воспитанию своих детей (у меня есть еще родная сестра Лидия) придавала важное значение: подбирала и читала подходящие детские книжки, будучи неплохой портнихой, кое-чему научила меня по этой части.

Она учила вскапывать грядки, ухаживать за растениями, пасти двух имевшихся у нас коз, заготавливать корма (мы ходили по окрестностям "за травой"). Мать научила меня (младшего школьника) брэнчать кое-какие вещи на балалайке, а также простым приемам аккомпанемента на семиструнной гитаре. В школе я организовал струнный "оркестр" из своих товарищей - у нас были мандолины, гитары, балалайки, и мы выступали на школьных вечерах.

Мать же внушала нам, что такое хорошо и что такое плохо, прививала уважительное отношение к людям и любому труду, следила за правильностью речи. "Деньги - это знак труда", - говорила она не раз. Одним словом, следила за развитием тела, души, умонастроения своих детей. По-видимому, она как-то незаметно для меня руководила кругом моего чтения и выбором наиболее близких друзей-товарищей, они были старше и оказывали на меня влияние. В школьном возрасте из их разговоров о школе, учителях, содержании учебных предметов я усвоил немало полезных сведений, которые упреждали мое последующее обучение. Еще до того, как сам прикоснулся к физике, химии и т.д., из разговоров с друзьями узнал, например, о трении, упругости, о том, что вода состоит из двух газов - водорода и кислорода (вот те раз! Жидкость состоит из газов?!). Даже первое, по настоящему психологическое слово "воображение" я узнал от них. Дело было так. Мы в темноте возвращались домой из леса. Кому-то

что-то померещилось в кустах. А самый старший (он на шесть лет был старше меня) сказал, что это - воображение: если пойти посмотреть, то увидишь - там нет ничего страшного.

Вернусь еще к деяниям моей матери. Каким-то образом она сделала так, что я, например, никогда не играл на деньги (в карты, в орлянку и т.п.). Возможно, эти "денежные" игры и развивают что-то в человеке (быть может, мысленную комбинаторику, какую-то "соображаловку"), но в таком случае можно считать, что в моем воспитании есть пробел - я и сейчас по денежной части плохо соображаю.

Во время войны летом и осенью мы, школьники, принимали участие в сельскохозяйственных работах. Помогали колхозам. После шестого класса летом мне довелось работать на заводе "Молот". Он производил пистолеты-пулеметы ППШ. Кстати, в это время в Вятских Полянах проживал и конструктор этого оружия Г. С. Шпагин, приехавший сюда вместе с эвакуированным заводом. Он иногда приходил в школу, говорил с учащимися (правда, не очень "гладко"; и нам было понятно, что "гладко говорить" - это одно, а изобретательно делать что-то ценное на практике - это другое; первое может не совпадать со вторым).

На заводе я работал слесарем на окончательной операции по производству затвора ППШ. По содержанию дело нехитрое (устранить неровности после вертикально-фрезерных станков, развернуть пару отверстий, проверить и, если нужно, поправить "усики", снять некоторые фаски). Но темп работы - высокий (две с половиной тысячи изделий в смену). Поскольку я был рослым, меня поставили на смену как взрослого: после 18 часов работы в глазах все зеленело, затворы эти мне даже мерещились и снились во сне. Были случаи, когда рабочие от голода и усталости падали у станков. В заводской многотиражке от 22 июля 1944 г. нас, молодых, отметили: "В цехах работает немалое количество подростков, не достигших 16-летнего возраста; зачастую они выполняют всю программу цеха. Среди них... Женя Климов и другие, которые не только выполняют, но и перевыполняют нормы выработки".

Завод в целом произвел на меня сильнейшее впечатление. После своей смены или до нее я ходил обычно по другим цехам (начиная от штамповки и кончая деревоотделкой) и все смотрел, как производятся нужные вещи из сырья, полуфабрикатов. Наблюдал, как работает строгальный станок, копировально-фрезерный... Удивлялся, что все приклады ППШ получаются один к одному. Очередное чудо! И его производят люди-умельцы! Такие наблюдения тоже подкрепили мой будущий интерес к области психологии профессий.

Начитавшись приключенческих книг, я одно время (примерно в восьмом классе) видел себя не наче как капитаном дальнего плавания.

Что касается учебных предметов, то интерес к м сильно зависел от учителей. У нас, например, асным руководителем в старших классах была мечательная учительница немецкого языка И. Хейфец. Во время войны она эвакуировалась к нам из Ленинграда. Даже те, кто у нее почал в школе тройки, сдавали затем вступительные экзамены в вузы по немецкому языку на пячки. Когда я сдавал такой экзамен в Казанский иверситет, экзаменаторы (похоже, удивлене) интересовались, где я учился. Той подготовпо немецкому языку, которую я получил в коле, мне вполне хватило на весь вузовский рс. И еще о ней. Заметив, что мы с моим приэлем-одноклассником хорошо успеваем по нецкому языку, она с нами стала заниматься осочить и английскому. Вот какие бывают учителя! И не только учила. Помню, очень кстати советовала мне прочесть "Мартина Идена" кека Лондона. Возможно, это была книга из ее библиотеки. Дала мне прочесть на немецком традания молодого Вертера" И.В. Гете. На т раз пришлось пользоваться немецко-русим словарем. Кто знает, возможно, что такого да чтение обращало мое внимание на явления тутренней жизни людей, явления психики, хотя да я это едва ли ясно осознавал.

Многое, включая то, о чем говорил выше, редопределило мой приход в психологию (я и това этого не знал, пока не наткнулся в учебнике о литературе на биографию поэта В. Маяковкого, который сдавал экзамен по психологии).

После восьмого класса, летом, мне довелось эработать в пионерлагере вожатым. Тут передоной выступила реальность внутреннего мира оих подопечных. И многие ответы на возникаие тогда вопросы посчастливилось мне узнать последствии из книжечки проф. Е.А. Аркина "Беседы о воспитании" (М., 1945). Как попала не в руки эта книга? Отец моего приятеля был ристом. У них было много книг. Человек этот мер, семья, кажется, переехала жить в другое есто, и книги были оставлены. Мы, мальчишки, збирали эти груды. Я какие-то книги подобрал, еди них и названную выше. Определенный слад в мое видение психической реальности она, знечно, внесла...

Кстати, в пионерлагере подружился я со своей удущей женой: она тоже была пионервожатой. Ы с ней обсуждали личные качества, действия, ступки своих подопечных и окружающих зрослых. Кстати, она обратила мое внимание на), что повариха пионерлагеря готовит кушанья ьень изобретательно. Несмотря на ограниченый выбор исходных продуктов, ее блюда были

очень разнообразны. Оказывается, творчество присуе не только писателям и художникам, есть ему место и в повседневной работе, в том числе и на кухне! Все это и подобное было поучительно и, возможно, внесло вклад в мое убеждение, что творческими бывают не профессии (как области приложения сил), а люди. Но о психологии как будущем деле своей жизни я, конечно, тогда не думал.

В школе психологию у нас не преподавали. Но на прилавках появились учебники с названием "Психология" (один - Б.М. Теплова, другой - К.Н. Корнилова). Летом (после девятого класса) я штудировал их с карандашом. Правда, делал это, совмещая с работой - разъезжал в составе небольшой агитбригады по деревням Вятско-Полянского района в роли баяниста и сочинителя злободневных для каждого данного колхоза частушек (исполняли их взрослые члены бригады). Но время "грызть" учебники находил (концерты агитбригады устраивались в основном вечерами). Насколько себя помню, о психологии как профессии и тогда не помышлял. Какой-то тревоги и особых раздумий по поводу профессионального будущего не было, хотя это, возможно, и плохо. Уже во время обучения в десятом - выпускном - классе увидел газетное объявление о том, что в Казанском университете проводится прием абитуриентов на специальность "логика и психология". Думаю, что это объявление умело довела до сознания своих подопечных наша классная руководительница Э.И. Хейфец: она ведь нас видела "насквозь".

Я поступил в Казанский университет. Ходил в философский кружок, даже доклад подготовил. Зашел и на заседание кружка психологии, который вел В.С. Мерлин, тогда еще доцент. Так нравилось, что у него и остался.

Когда окончил университет, мне предложили работать на кафедре педагогики и психологии: Вольф Соломонович Мерлин (уже профессор) как раз должен был переехать на работу в Пермский пединститут и мне пришлось вести оставшиеся после него курсы. Одновременно преподавал логику и психологию в средней школе № 1 Казанской железной дороги. Учил ребят с позиций университетской премудрости, а им надо было давать что-то приспособленное именно для них. Это я понял не сразу. И поэтому позднее написал все же учебник для школы (Психология. М., 1997).

Намеренно на меня никто вроде бы не влиял, но я сам искал этих влияний и впитывал их, оказавшись, можно сказать, в условиях "психологической робинзонады" после отъезда В.С. Мерлина из Казани. Еду, например, в командировку в Москву - в Институт психологии АПН РСФСР (с 1966 - СССР). Напрашиваюсь в качестве испытуемого на эксперимент к В.Д. Небылицину. Полу-

чаю множество новых впечатлений; потом - беседа с ним об эксперименте, об измерениях в психологии. Напрашиваюсь посидеть на эксперименте у Колодной. Тут меня удивило одно обстоятельство: в зависимости от ситуации она меняет план и ход эксперимента. Мне-то казалось, что если уж затеял, спланировал опыт, то проводи его непреклонно, а уж потом будешь истолковывать результаты. АН нет, оказывается и в ходе опыта экспериментатору полезно "соображать".

Идя по коридору названного института, я подслушал слова Н.С. Лейтеса, беседовавшего с несколькими молодыми сотрудниками (возможно, аспирантами). Он сказал, что существующие учебники не отображают состояния научной психологии как системы! Вот-те раз! А я-то к существующим учебникам относился чуть ли не как верующий к священным книгам. Оказывается, и здесь не все так просто! Еретическая мысль Лейтеса меня заинтриговала. И, быть может, не случайно, учебники по психологии для школы и вузов, которые я позднее написал, не похожи по своей структуре на те, по коим я в свое время сам учился. Лейтес, возможно, и не знает, что он на меня повлиял. Таких вот влияний на мое профессиональное сознание было великое множество.

В Психологическом институте АПН где-то в подвале был специально оборудованный токарный станок (В.В. Суворова изучала навыки скоростного точения). По-видимому, я ко многим "приставал" с разными вопросами, и мне как-то сказали, чтобы я поговорил с К.М. Гуревичем, поскольку "он хороший советчик". И вправду, я многое узнал из бесед с ним.

А.А. Бодалев, будучи деканом факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, пригласил меня для работы у него, да еще и по профилю психологии труда. И тем самым поставил меня под целый водопад полезных профессиональных воздействий. Я соблазнился на переезд в Москву из Ленинграда, поскольку профиль предполагаемой работы точно соответствовал моим профессорским "корочкам" (аттестату). Мое включение в сообщество психологов МГУ оказало на меня "оглушительное" влияние. Здесь и на лестнице, и "в курилке", и по пути от метро до здания факультета можно было приобщиться к весьма тонкой, полезной психологической премудрости. Факультет - это не стены, а люди, - люди высоко профессиональные, оригинальные. Об этом я отчасти писал в вашем журнале (Психологический журнал. 1990. № 5).

Кого из психологов я считаю наиболее выдающимися? Не решаюсь разместить их по рангам. Трудно отделить выдающихся от высовывающихся. Пусть уж этим займутся отдаленные потомки. Мне, например, очень нравится Н.В. Гоголь как психолог. Я об этом писал (Вопросы пси-

хологии. 2001. № 3). У него можно найти много (включая, скажем, и идею бессознательного), что в дальнейшем профессиональные психологии зашифровали учеными словами.

Какие события в психологической науке представляются мне наиболее значимыми? А что такое событие в науке? Главные-то события, по моему, это новые идеи и то или иное их воплощение, а не переобозначение известных идей новыми словами. Новые идеи - редкость. А в глаза бросаются мероприятия (скажем, съезды, конференции).

Что касается идей, то сейчас есть нежелательная, по-моему, мода на новые словечки, словосочетания, транслитерации с английского. "Коучинг" (от слова "кучер") - некий род управления людьми. "Менеджмент" тоже некое управление людьми с учетом, в частности, их психики. Приоритет нередко приписывают каким-то закордонным авторам. А, между прочим, соответствующая общая идея есть еще в трактате Юрия Крижанич (XVII в.) "Беседы о правлении". Он говорил "людоправном учении" (цит. по: М.Н. Громов В.В. Мильков. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб, 2001, с. 26). Правда, и до сей поры не утихают разноречия о тонкостях, частностях как в области наук об управлении людьми, так и в области личностного подхода к изучению и улучшению продуктивной деятельности людей. И эти области (как, впрочем, и вся наша наука в целом), конечно далеки от той общепризнанности, стройности, каккие, скажем, присущи арифметике или геометрии. Все это обычные состояния в развитии науки.

Наука, будучи сложной системой, развивается нелинейно. То же самое можно сказать и о практике, о работе практикующих психологов. По этому значимость события можно оценить только в широкой исторической перспективе.

Напомню некоторые обстоятельства, поясняющие эту мысль. В XIX в. в России в связи с развитием машинной техники производства резко возросло количество несчастных случаев среди рабочих. Официальную психологию это обстоятельство, по-видимому, мало волновало. А фабричные инспекторы, инженеры, врачи-гигиенисты задумывались над соответствующими вопросами. В результате они, а не те, кто причислял себя к психологам, стали *порождать новое достоверное и полезное психологическое знание* которое теперь входит в контекст психологии труда и инженерной психологии. Но оценить значимость описанных событий (порождения новых и полезных идей) стало возможным много десятилетий спустя. Да и сейчас нередко продолжаю по привычке утверждать, что психология отпочковалась от философии (что-то отпочковалось, но, выходит, не все). Иной раз, "ничтоже сумняшеся", считают, что эта область знания у нас в

стране возникла как результат заимствований из-за рубежа.

Еще пример. В 1928 г. Николай Александрович Рыбников обозначил термином "акмеология" тот раздел возрастной психологии, предметной областью которого являются возрасты *зрелости* и *взрослости*. Многие годы психология взрослых по разным причинам была если и не упущена, то "мерцала" на периферии сознания психологов, обслуживавших в основном дошкольное и школьное детство.

Но в последней четверти двадцатого века усилиями Б.Г. Ананьева, его соратников и учеников (я имею в виду Н.В. Кузьмину, Е.И. Степанову, А.А. Бодалева, А.А. Деркача) идея акмеологии была воскрешена (не без противодействия некоторых ведущих психологов). И соответствующая область знания сейчас стремительно развивается. Она обозначена в перечне ваковских специальностей, есть соответствующие кафедры, диссертационные советы и журнал "Акмеология". Поскольку наиболее представительным коллективом в этой области является кафедра под руководством А.А. Деркача в Академии государственной службы при Президенте РФ, то соответствующие исследования сильно акцентируют и развивают акмеологическую проблематику на материале государственных служащих страны (хотя, понятно, взрослое население страны не сводится к этой категории людей).

Кратко охарактеризованные мной, но сложно обусловленные процессы едва ли можно было надежно предвидеть во времена Н.А. Рыбникова, а значит и верно оценить значимость предложенной им идеи (и сам термин "акмеология"). Каждый может припомнить примеры подобного рода, мысленно обозревая историю науки - "драму идей" (выражение А. Эйнштейна) - в близкой ему области.

Совсем недавний пример. Дали ход слову "психоанализ". Не все люди с высшим образованием знают, что это не просто "анализ психики", а очень специальное направление, дело очень тонкое. И настоящим мало-мальски сносным специалистом здесь просто нельзя стать в обычные сроки их подготовки. А у нас пошел вал подготовки психоаналитиков.

Короче говоря, у меня не хватает духу делать заявления о том, какие идеи сегодня являются в психологии наиболее значимыми. Что касается собственно мероприятий, то поскольку я был президентом Российского психологического общества (РПО), то, конечно, значимым событием полагаю Учредительный съезд РПО (1994) и все последующие съезды и конференции РПО. Они отображены во многих публикациях, в частности, в выпусках ежегодника РПО. Но понимаю, что

это мнение субъективно. Куда ж деваться, если субъект в ряду субъектов?

- Расскажите о работе в МГУ, с чего она началась, что этому предшествовало?

- Предшествовало вот что. Я работал в Ленинграде (больше всего во ВНИИ профтехобразования), куда меня пригласили в связи с необходимостью выполнять государственную тему пятилетнего плана с примерно таким названием: "Разработка и использование рекомендаций по профотбору и профориентации". Институт стал головным учреждением, были определены многие организации-соисполнители. Важно было не просто "не провалить", но пристойно "вытянуть" тему. Отдел психологии труда, которым я заведовал, стал ответственным за названное дело, а я - научным руководителем. Надо признать, что партийные и советские органы Ленинграда, не говоря уже о дирекции института, хорошо поддерживали нашу работу. Не буду распространяться, но мы с сотрудниками "выдюжили" возложенное на нас дело. Проводились координационные совещания, всесоюзные совещания по профориентации. Все это отображено в публикациях. Отчитались и в Госпрофобре, и в Госплане страны.

Правда, когда тему завершили, директор института мне сказал, что вот по проблеме профориентации мы (институт) "прозвучали" в стране хорошо, надо теперь "прозвучать" по вопросам обучения. Я говорю, как же так? Сотрудники вросли в проблему, у многих наметились кандидатские диссертации. В отделе сложились специализированные группы профессионалов, психодиагностов, профконсультантов, направленные на вопросы профориентации молодежи. Да и я не специалист по "озвучиванию" института! Наметился конфликт. И я почел за благо перейти в пединститут им. А.И. Герцена. Уволиться было не просто (парторганизация не отпускала), но помо (через вышестоящие партийные органы) тогдашний ректор пединститута профессор А.Д. Бобрыкин.

Теоретически мой выход из конфликта нельзя конечно, назвать конструктивным: вроде бы над было "бороться". Но в институте культивировался высокий уровень исполнительской дисциплины. Начали говорить, что Климов - анархист, де лает, что хочет (такое мнение довели и до райкома партии). Так что выход я видел один - уйти.

В пединституте все было нормально, атмосфера - академичная. Но, как уже упомянул, через несколько лет я получил приглашение в МГУ (ясно, что это было согласовано с отделом науки ЦК КПСС).

Приступил в МГУ к чтению лекций по психологии труда. Старался, в частности, применять демонстрационные эксперименты. Правда, однажды кто-то подсмотрел в щелку и сообщил в парт-

бюро, что Климов не лекции читает, а кастрюли лудит: я дал студентам понаблюдать и запротоколировать "живую" организацию рабочего места и некоторые действия рабочего в материальном производстве. После обсуждали результаты наблюдений. Студентам вроде было занятно. В партбюро объяснился, и все обошлось. Ходил на занятия к сотрудникам кафедры в целях изучения опыта. Не знаю, что сказать еще - просто профессорствовал и все.

- Пришло время и вы стали деканом факультета МГУ. Это очень ответственная и трудная должность. Скажите, с какими сложностями во взаимоотношениях и взаимопонимании вы столкнулись, когда возглавили факультет?

- Ясно, что я был "варягом". И меня встретили не без настороженности. Помню, ко мне пришел один преподаватель - В.К. Вилюнас (теперь он профессор) с несколькими неожиданным для меня вопросом: "Можно я буду читать свой курс по своей программе, как считаю нужным?" Возможно, он думал, что я в роли декана буду "держимордой", администратором или что-то в этом роде. А может быть, он просто был дисциплинированным человеком. Я воскликнул: "Это же университет, а вы специалист, так что и нужно читать курс по своему разумению, а как же еще?!". Он, по-моему, был вполне удовлетворен. Возможно, об этом узнали другие, и таких обращений больше не последовало.

Были, конечно, многие шероховатости при установлении взаимоотношений с некоторыми сотрудниками, даже с партбюро. Возможно, у кого-то сформировалось превратное представление обо мне. Прошел даже такой слух: я сбежал из сумасшедшего дома в Ленинграде. В какой-то газетке меня причислили к "банде четырех" (вместе с Б.Ф. Ломовым и некоторыми другими "питерскими"). К наскокам такого рода я относился сдержанно, просто работал и все. И постепенно все успокоилось, на многих ранее мрачных лицах появились даже улыбки.

Много времени тратил на то, чтобы понять, что делают сотрудники других кафедр факультета. Прилежно читал их работы, ходил к некоторым на занятия - не для контроля, а для изучения опыта.

Ну а подробно говорить о четырнадцати годах моего деканства, боюсь, здесь неуместно. В ректорате ко мне относились хорошо и сейчас относятся так же.

- Что вы предложили нового в области психологического знания по проблеме соответствия человека и профессии?

- Если я и предложил нечто, то боюсь, что это виднее со стороны. Мне приходит в голову только то, что я постарался преодолеть идею огульного подхода к представителям массовых профессий,

говоря о необходимости уважать индивидуальный стиль работающего человека. Предложи классификацию профессий в целях профориентации, ну и некую нехитрую группировку вариантов установления взаимного соответствия человека профессии. Остальное, вероятно, представляется собой просто более или менее упорядоченное, от носительно детализированное и удобочитаемое изложение ранее известных вещей. Ведь общая идея о взаимном соответствии человека и профессии, об индивидуальном стиле работы порождена сознанием народа и отображена, например, в пословицах и поговорках: "Каков строитель, такова и обитель", "Какова Устинья, такова у нее и ботвинья", "Всяк молодец на свой образец" и т.д.

- Какие научные проблемы вас больше всего увлекают в настоящее время?

- Хотелось продвинуть вот такую тему: "Становление профессионалов путем приближения к идеалам культуры". Культуру я понимаю в широком значении слова (не только как культуру художественную, "духовную", но и свойственную материальному производству). Но не знаю, что получится.

- Много ли последователей ваших научных воззрений?

- Не знаю, не ведаю, не подсчитывал. Не думаю, что мои "воззрения" таковы, чтобы собирать вокруг них приверженцев. Ортодоксальных последователей, скорее всего, нет. Да и зачем они? Каждый мыслящий человек строит свои синтезы воззрений.

- Какие сферы знаний, кроме психологических, необходимы психологу для ориентации в различных проблемах, возникающих в социуме?

- Все знать невозможно. Правильно сказал немецкий социолог Георг Зиммель (1858-1918): "Человек образованный - тот, кто знает, где найти то, чего он не знает". А я бы добавил, что психолог должен не только уметь находить нужное готовое (кем-то уже добытое) знание, но и производить необходимое ему новое знание, разбираясь в конкретных неожиданных стечениях обстоятельств. Невозможно набраться знаний на всю оставшуюся жизнь. Нельзя рассчитывать на то, что имеющиеся сегодня знания человечества будут достаточны для решения завтрашних задач.

Даже животные инициативно, активно ориентируются в новой среде (принюхиваются, присматриваются, прислушиваются), ищут ответы на вопросы "Что это такое?" и т.п. Почему же человек-специалист должен быть всегда иждивенцем чьих-то знаний? Каждый сам должен учиться и уметь искать ответы на вопросы "Что?", "Как?" "Когда?", "Почему?", "Для чего?"

- В разговоре с вашими коллегами неоднократно слышишь, что вам успешно удается достигать взаимопонимания с подчиненными, коллега-

ми, учениками, студентами и аспирантами. Что для этого необходимо руководителю?

- Одно дело руководить группой горноспасателей, другое - академическим коллективом. В нашем случае, пожалуй, и руководить-то в обычном значении этого слова не надо. По-моему, работники науки и образования держатся в основном на саморегуляции. Важно не мешать работать и по возможности создавать условия для работы. Люди у нас, как правило, не могут не работать, да еще и выдумщики. И для взаимопонимания нужно прежде всего вникнуть в то, что делает человек. Вот ходит, например, на работу женщина. Ведет себя тихо, я и голоса ее долго не слышал. А оказывается, она развивает со своими учениками новую отрасль психологии - дифференциальную возрастную психологию, - которой раньше не было (была фактически общая, если не сказать огульная возрастная психология). Как же с таким сотрудником устанавливать взаимопонимание? Ясно, что надо прежде всего знать человека не просто по наружности, а прилежно почитать его работы. Вот я и тратил девять десятых времени на то, чтобы знать, кто и что умеет делать. Тогда взаимопонимание, по-моему, устанавливается автоматически. Да и сам с пользой для дела вразумляешься. Руководитель, по крайней мере творческого научного сообщества, должен знать и видеть людей как делателей чего-то. Вот и все.

- Как вам удается преодолевать негативные отношения - и в человеческом отношении, и в профессиональном?

- Если вы спрашиваете о негативных отношениях ко мне, то у меня "философия" такая: я и не жду, что ко мне люди должны относиться непременно хорошо. С какой стати они должны меня "любить"? Отношения людей я рассматриваю просто как психологический факт. Над фактами можно думать, искать соответствующие причины. Это интересно (при любом варианте отношений).

- Какими идеалами вы руководствуетесь в жизни?

- Вероятно, моим идеалом является профессиональное служение максимально широкой общности людей, а именно - народу, а не узким общественным прослойкам.

- Как вы помогаете людям найти себя, свое место в профессиональной общности?

- Сейчас я уже не занимаюсь практическим консультированием по вопросам выбора профессии. Разве что содействую в отдельных случаях. Как? Коротко об этом не скажешь. Я об этом писал в книгах, которые вы, кстати, нашли возможным упомянуть в преамбуле к нашей беседе. Главное, по-моему, в том чтобы "высветить" человеку его ценные личные качества (их не всегда

ясно сознают). Важно, чтобы он ориентировался не на внешние стороны профессии ("престиж", "добычу прокормления" и пр.), а на служение Делу, чтобы ему нравился сам процесс повседневной работы.

- Можно ли сказать, что ваши работы направлены на обогащение людей знаниями, осознание их ценности и значимости для них самих и общества?

- Знания, по-моему, не самая важная "начинка" человека. Знаменитый П.Н. Лебедев (1866-1912) как-то сказал: "Мой книжный шкаф набит знаниями гораздо больше меня, однако не он физик, а я". Знания можно передать на хранение и компьютеру, и справочнику, и записной книжке, и картотеке. Главное - уметь мысленно оперировать сведениями, образами, т.е. "соображать". Поэтому я в меру сил стараюсь в своих публикациях для студентов, учащихся не обогащать читателя знаниями самими по себе, а постоянно "подсовываю" ему (извините за просторечие) упражнения, вопросы для размышления, обсуждения, разработки. Важно - уметь, а знания нужны для обслуживания умений. Об этом лучше и больше может сказать профессор И.И. Ильясов (заведующий кафедрой педагогической психологии и педагогики на нашем факультете); это, по-моему, его "конек".

- Как вы относитесь к быстрому продвижению молодых специалистов, и что вам удалось сделать для этого, когда вы стали деканом факультета психологии МГУ?

- Радуюсь, прежде всего. А что удалось сделать для продвижения молодых специалистов, ей-богу, затрудняюсь перечислить. По крайней мере, я им не мешал.

- Какие способы убеждения приемлемы для вас в процессе работы с подчиненными разного профессионального статуса?

- Я ценю умственную свободу других, не припомню, чтобы я кого-то "дожимал" до некоего удобного мне образа мыслей, убеждений. Да и термин "подчиненные" в среде работников науки и образования как-то не в ходу. У нас ведь "концептократия"! - власть идей, понятий, логических доводов. Только на этой основе можно урезонить работника науки и образования.

Правда, был однажды во времена моего деканства неслыханный случай - студент ударил по лицу экзаменатора-философа. Не из-за себя он это сделал. Экзаменатор, по-видимому, слишком "круто" допрашивал студентку, а она была беременна, в состоянии стресса. Парень и решил по-своему вразумить нечуткого человека: по-человечески понять его можно. Позднее, беседуя со студентом, я сказал ему, что он поступил, прежде всего, не профессионально. Студент, кажется, все

понял, но пришлось его отчислить. Предельный случай.

А что касается научно-преподавательского состава, то научные убеждения специалистов - вещь "железная". И тут разом ничего не сделаешь. Нужны содержательные и доброжелательные обсуждения в расчете на то, что в перспективе человек сам "дозреет". А, быть может, и мне самому не худо бы до чего-то "дозреть", пусть я и "начальство". Ну, а если человек "неподдающийся", - отступись администратор (ведь ты и сам не "конфетка").

- Каково ваше отношение к психологической науке, что в ней для вас дорогого и привлекательного?

- Если уж я не "сбежал" из психологической науки, то, выходит, что отношусь к ней положительно. Думаю, что важная ее миссия - повышать психологическую грамотность и культуру населения. Тогда и общество в целом станет пристойнее, уменьшатся или смягчатся стычки между людьми на почве разномыслия. Поэтому-то многие личные публикации я обращаю не к своему профессиональному кругу, а к "широкому читателю". Теперь, по причине изрядного возраста, я не затеваю никаких громоздких исследовательских программ, а занимаюсь, пожалуй, популяризаторством науки. Недавно сдал в печать (в издательском центре "Академия") книжку для школьников о выборе профессий научных работников ("Наука - производство знаний").

- Какие новые направления в области профессионального труда вы развивали на руководимой вами кафедре?

- Мне кажется, хотя, возможно, ошибаюсь, я культивировал субъектный подход к человеку, занятию трудом. Иначе говоря, старался изучать не "ничью" деятельность, не трудовую деятельность "вообще", не "ничью" личность, а что-то конкретное. Не знаю, прав ли я.

- Как вы относитесь к преемственности ваших научных взглядов, их преобразованию, развитию?

- У меня нет атаманских замашек и стремления видеть у себя "за спиной" множество ортодоксальных последователей. Если что-то из моих публикаций используют, то, конечно, это радует (не зря старался). Но если человек решил идти иным, новым путем, то это тоже радует. Кстати, одно из моих ранних и заметных впечатлений от работы В.С. Мерлина как раз состояло в следующем: если он видел, что студент (например, на заседании психологического кружка или на семинаре) проявлял своеобычность, не во всем соглашался с ним (с вышестоящим; помните времена-то какие были?), то он явно выражал именно радость, а не досаду или тем более гнев и т.п. Это я от него воспринял.

- Что вам позволяет постоянно совершенствоваться?

- Приятно слышать такой вопрос, но мне не кажется, что я постоянно совершенствуюсь. Хорошо бы не отстать, "держаться на плаву" Силенок сейчас меньше стало - как-никак мне давно восьмой десяток лет пошел. Недавно я поставил себе диагноз: я не столько психолог, сколько марафетель бумаги по вопросам психологии. С этим еще более-менее справляюсь. И если на последующем шаге что-то и получается чуть лучше, чем на предыдущем, то это за счет конструктивного "самоедства". Если что и позволяло, как вы выражаетесь, постоянно самосовершенствоваться, то это "ругание" самого себя + обдумывание, планирование, как бы сделать дело лучше. Не гнушаюсь учиться у других. Вот и все.

- Что необходимо человеку для жизненного и профессионального равновесия?

- Реалистический уровень притязаний: рубить сук по плечу.

- Что такое гениальность, и много ли в мире гениев? В последнее время что-то очень расхожим стало это слово, им бросаются направо и налево...

- Ох, вопросы вы иной раз задаете тяжелые. В мифологии древних римлян все было просто и "расхоже". Словом "гений" (лат. genius), как известно, назывались бесплотные духи-хранители каждого, заметьте, человека. Эти духи были не обязательно добрыми, могли быть и злыми - кому какой придется. Они (духи) управляли помыслами и действиями людей. Удобная мифология - все можно свалить на своего гения и жить со спокойной совестью.

Сейчас мифология отвергнута. А слово "гений" люди наполняют иными значениями. Гениями стали называть не бесплотных духов, а самих людей. Притом не всех, а таких, которые (с чьей-то точки зрения) совершили выдающиеся дела, характеризуются незаурядными способностями. Скажем, Александр Македонский убил больше людей, чем кто-либо другой в его время. Ну, стало быть, он - великий, возможно, гениальный и пр. (Я пошутил). Но хочу сказать, что нет строгого и точного "аршина" (средства) для определения измерения гениальности человека. В связи со, сказанным, по-моему, задача подсчета гениев в мире не имеет смысла. Слова "гений", "гениальность" годятся лучше всего для выражения восхищения по поводу людей, совершивших что-либо особо значительное и ценное для широкого множества людей. Пусть восхищаются.

- Как вы относитесь к миру и общечеловеческим проблемам?

- Мир - это Вселенная? Тут множество физических тел и полей. Все крутится-вертится. Ближайшая к нам гигантская ядерная бомба (Солнце)

куда-то летит вместе со своим окружением (кажется, сближается с созвездием Персея). Земля наша — какая-то ничтожная частичка в пространстве, на которой завелись саморегулирующиеся козявки", включая человека. Всегда кто-то кого-то ест, убивает. Люди стремятся породить себе подобных по умонастроению, взглядам; иногда грызутся с инакомыслящими, изрядно загадили свою планету. Жизнь человеческая длится несколько десятков "круизов" Земли вокруг Солнца и т.д. Если и есть какой-то внеземной разум, более совершенный, чем человеческий, то ничего хорошего от встречи с ним я не жду. А вдруг мы покажемся инопланетянам вкусными и они захотят перерабатывать нас на какой-нибудь "яичный порошок" или "печеночные паштеты"?

Все это любопытно знать, но к этому я стараюсь никак не относиться - многое тут просто факты или домыслы. Лучше не думать.

Если иметь в виду мир людей (не как покой, а как универсум; в русском языке то и другое обозначается одним словом), то тут тоже все сложно. И многое приходится принимать также в качестве практически неодолимых фактов. Одни цивилизации агрессивно кидаются на другие, уничтожают одна другую. Толкуют об установлении контактов с внеземным разумом, а между представителями земного разума ладу до сих пор нет. Иной раз подумаешь - на кой черт мир существует?

Но мысленно скулить по указанным поводам нет смысла. Если уж ты родился и живешь, то наполняй себя оптимизмом и вноси посильный вклад в улучшение жизни себе подобных. Я и пытаюсь это делать на своей относительно небольшой "делянке" жизни.

- Какими средствами обладает психологическая наука для обеспечения сохранности человека как личности, активизации его психических способностей и психофизиологических возможностей?

- Затрудняюсь перечислить эти средства. Практикующие психологи, педагоги сейчас, думаю, многое умеют, и мне за ними уже не угнаться, и трудно все это мысленно охватить. А в принципе, надеюсь, средства, о которых вы говорите, Зудут бесконечно (пока существуют люди) совершенствоваться. Важно только, чтобы эти средства психологии и педагогики не попадали в распоряжение злонамеренных, властолюбивых людей, склонных "ехать на чужом горбу". История настораживает: скажем, порох относительно хорошее средство для взрывных работ в горном деле, а как его люди в основном применяли? Страшно вспоминать!

- Что такое, по вашему мнению, духовная основа человека и как ее можно обогатить?

- Что такое "духовная основа" человека, я, честно сказать, не знаю, хотя даже есть книга В.Д.

Шадрикова о духовных способностях (он мне ее подарил). Вероятно, к категории "духовного" (это слово мне не очень привычно) уместно отнести прежде всего идеалы, убеждения, т.е. направленность личности человека. От нее многое зависит. Стреляет ведь не ружье, а вооруженный и определенным образом настроенный человек. Добрые и злые дела сначала замышляются сообразно направленности соответствующих личностей, а уж после доводятся до исполнения. Возможно, я - пережиток социализма, но я ценю именно коллективистскую, а не индивидуалистическую направленность личности. Спасение же, по-моему, надо видеть в хорошо поставленном воспитании, ориентированном на служение благом людей. Это вопрос не для краткого ответа.

- Какие области психологической науки для вас наиболее значимы?

- Я стараюсь исходить из предпосылки, что в науке вообще и в психологии, в частности, нет областей незначительных. Скажем, даже поведение серых крыс в новой для них обстановке (их ориентировочно-исследовательская активность) открывает нам поучительные сведения о психике. Так что я не могу разделить области психологии на более и менее значимые. Хорошо бы знать обо всем и уметь все, хотя это и недостижимо.

- Что, по вашему мнению, является для человека самым важным в жизни?

- Нет ведь такой реальности - "человек вообще", а есть определенные люди. И для разных людей самым важным является нечто разное, возможно, даже противоположное. Как я уже отчасти говорил, самым важным, мне думается, должно быть желание и умение созидать нечто ценное для других. Тогда и тебе рано или поздно воздастся от других, от общества, народа.

- Что необходимо человеку для преодоления конфликтов - внутренних и внешних?

- В ответ на этот вопрос написаны уже многие книги. Есть даже учебники по "конфликтологии". Я тоже написал книжечку "Конфликтующие реальности в работе с людьми. Психологический аспект" (Москва - Воронеж, 2001); она разошлась, и ее собираются переиздать.

Если сказать кратко, то надо ставить себе цели реалистические, осуществимые - это раз (для уменьшения внутренних конфликтов). Второе (для уменьшения межлюдских столкновений) - обе стороны должны признавать право других на своеобразие, инаковость, принимать их такими, каковы они есть, а не ожидать, что они должны действовать по чужому разумению. Мне (давно еще) кто-то из "вышестоящих" сказал: "Мы хотим, чтобы вы делали..." Забавная постановка вопроса! И я сказал: "Хотите вы, а делать должен я. Если хотите вы, то и делайте вы". На меня, правда, осерчали. Но наши пути разошлись, и

продолжения конфликта не было. Не так просто добиться, чтобы люди понимали позицию других. Все это требует кропотливой просвещенческой работы.

- Почему вас привлекла проблема профориентации?

- Почему? Это вопрос о причинах, и тут не все лежит на поверхности моего сознания. Вероятно, отчасти потому, что много уже перевернул литературы 20-х гг. по вопросам профориентации и профконсультации к тому времени, когда получил приглашение работать в Ленинграде (об этом сказано выше). Отчасти потому, вероятно, что

осознавал значимость этой проблемы для молодежи своего времени. А проблема эта долгие годы (в 30-х гг., во время войны и в послевоенные годы) не разрабатывалась достаточно широким фронтом. Надо было "воскрешать" важное дело.

- Каким должен быть настоящий психолог?

- Наблюдательным и человеческим. Остальное приложится.

*Интервью провел В.И. Артамонов
(май 2004 г.)*